

Библиография

- Акташи М.А.* Дербент-наме. Махачкала, 1992.
- Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. I.
- Васильев Д.С.* Загадка Старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 1.
- Васильев Д.С.* Очерки истории низовьев Терека (досоветский период). Махачкала, 1986.
- Магомедов М.Г.* К вопросу о колебаниях уровня Каспийского моря в Хазарскую эпоху // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- Оразаев Г.М.-Р.* Комментарии к «Тарихи Кызларкала» // Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
- Путилов Б.И.* Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- Русско-дагестанские отношения. М., 1958.
- Шидловский Ю.* Записки о Кизляре // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч. 4.
- Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

А-М.М. Дударов

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИНГУШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Ингуши — народ с древней и самобытной историей. В силу своего проживания с древнейших времен на важном участке Кавказа — в центральной его части — он исстари притягивал к изучению своей истории многих исследователей.

Часть из них, основываясь на различных данных (надписях на археологических предметах, петроглифах в кладке древних замков, а также многочисленных преданиях), упоминают о книжных хранилищах, находившихся под древними ингушскими храмами, и приходят к выводу о наличии у ингушей письменности уже в древности. Так, Н.Ф. Грабовский, ссылаясь на свидетельства ингушей, указывал на наличие книг в подземелье храма Тхаба-Ерды [Грабовский 2000: 200]. Г.А. Вертепов сообщал о наличии в Ингушетии Псалтыря, написанного «от руки на пергаменте древнегрузинским шрифтом» [Вертепов 1903: 118].

А. Куркиев, основываясь на выводах А.Г. Шанидзе и Л.П. Семенова и говоря об обнаруженных в храме Тхаба-Ерды письменных памятниках, делает вывод о существовании ингушского письма, ибо часть букв не совпадала, как писал об этом А.Г. Шанидзе, «с характером грузинского древнего церковного письма» [Куркиев 2000: 306–307].

Официально же принятая версия такова: у ингушей не было собственной письменности, она появилась после утверждения в 1922 г. ингушского алфавита на основе латиницы (1 мая 1923 г. вышел первый номер газеты «Сердало» на ингушском языке).

Российская наука имела возможность впервые познакомиться с ингушским языком во второй половине XVIII в. «Еще в 1877 г. Российской Академией был издан сравнительный словарь П.С. Палласа (на более чем двухстах языках), где указано в общем свыше четырехсот слов чеченского языка с ингушскими и бацбийскими параллелями» [Алироев 1994: 38]. В 40-е годы XIX в. просветителем ингушского народа Григорием Цамциевым был составлен «Самоучитель, содержащий в себе разговоры и словарь на Российском и Назрано-Ингушевско-Чеченском языках» [Газигов 2002: 7]. В свою очередь, известный исследователь Центрального Кавказа Л.П. Семенов считал небезуспешными попытки ингушей создать собственную письменность, используя надписи, сделанные на основе грузинской графики, но не на грузинском языке [Шнирельман 2007: 221].

Есть сведения о том, как ингуши принесли находившемуся в 1638 г. в Ингушетии грузинскому царю Теймуразу «свои старые записи» [Дахкильгов 2008: 8]. И.А. Дахкильгов пишет: «Взятые когда-то у ингушей книги, будучи переданы в разные библиотечные учреждения, естественно, стали называться наследием грузинской культуры. Но мы должны помнить <...> она была ингушской, церковной или светской, но все же литературой, обслуживавшей нужды местного населения, и не только в религии, а, возможно, и в светском плане» [Там же: 9].

Ф.И. Горепекин считал, что письменность у ингушей существовала давно, и, сравнив обнаруженные им в Ингушетии знаки, нашел сходство более десятка из них со знаками древнеиндий-

ской письменности «Магадги» [Труды Горепекина... 2006: 130]. «Производя в начале 1920-х годов любительские раскопки, Горепекин обнаружил древние знаки и счел их за доказательство наличия у чеченцев и ингушей письменности в глубоком прошлом» [Албогачиева 2004].

Прямое отношение к ингушам имеет и древнее племя гаргаров. Известно, что армянский просветитель рубежа IV–V веков Месроп Маштоц «создал письма Гаргарского языка, грубого, жесткого, нескладного и богатого горловыми звуками» [Гумба 1988: 95]. Современный ингушский язык богат подобными гортанными («горловыми») звуками. От того, что гаргары проживали в юго-восточной части Главного Кавказского хребта, где до сих пор сохранились топонимы с корнем «гаргар», нельзя сказать, что гаргары не нахи, так как древнеингушские общества в древности занимали обширные территории на Кавказе.

Принятие ислама основной массой ингушей (восходящее к началу — середине XVII в.) способствовало созданию письма на основе арабской графики.

В мае 2010 г. отделом этнографии Ингушского НИИ была организована экспедиция к замку конца XVI в. Мохал в горной Ингушетии. В состав его входили, кроме сотрудников НИИ работники Джейрахско-Ассинского музея-заповедника. Сопровождали нас и представители известного рода Мохлой, среди которых был старейшина рода Бузуртанов Макшарип Эдалбиевич. Главной целью автора являлась проверка данных о надписях на каменных блоках замка, о которых не раз рассказывал уважаемый старейшина.

При посещении замка на южной стене одной из жилых башен мы нашли каменные блоки с петроглифами, среди которых были арабские буквы и цифры. Раньше район Мохал-аре, Мохлате, Мохал в горной Ингушетии учеными серьезно не исследовался, кроме установления общих параметров его расположения [Чахкиев 2009: 76–77].

При осмотре замка на южной стене полуразрушенной башни мы нашли блоки с различными изображениями. Надписи находились на высоте полутора-двух метров от основания. Они были

нанесены на блоках, отличавшихся коричневым цветом от основного фона стен.

В пятом блочном ряду, в середине, находился блок шириной в 20 см и высотой в 30 см, на котором были выбиты три знака в том виде, в котором они изображены на рис. 1. Изображения находились только на одной половине блока. Возможно, данный знак имел древнюю символику. Интересно, что блок был положен торцом вниз.

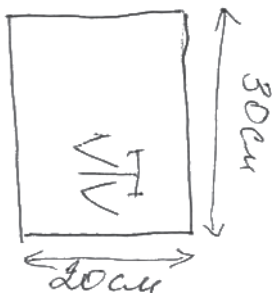

Рис. 1. Пятый блочный ряд жилой башни

На нем были изображены два знака в виде римской цифры V и между ними знак наподобие буквы T, с завернутыми вверх и вниз концами верхней черты. Нижние концы у всех знаков были на одном уровне.

Если считать, что надпись на каменном блоке повернута вправо, то получается, что изначально при строительстве башни он был подготовлен для кладки в ширину, но в связи с необходимостью при строительстве был использован при кладке в высоту.

Совершенно неожиданная надпись была обнаружена на блоке в шестом ряду. Она достигала в длину 120 см. Ширина боковых сторон составляла 20 см и 15 см (рис. 2).

В правой части камня было выбито изображение перевернутой арабской буквы «фа», с дополнительной точкой внутри. Затем шел числовой ряд из арабских цифр — 21313. Возможно, число имело религиозный подтекст.

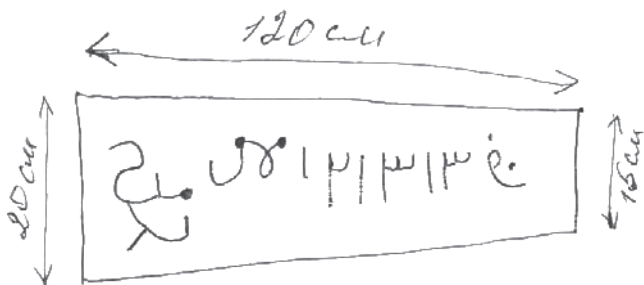

Рис. 2. Шестой блочный ряд жилой башни — 1

Примерно в середине плиты сверху вниз была нанесена отдельная черточка. Затем шло письмо, состоявшее, на наш взгляд, из двух отдельных слов. На первый взгляд, первое записывалось горизонтально, а второе — вертикально. Это только предположение. В каждом из них мы видим 3–4 самостоятельных графических изображения. У некоторых ученых-арабистов появилось предположение о неграмотной записи в обоих случаях слова «Мухаммед» арабской графикой.

Примерно те же размеры имеет еще один каменный блок в том же ряду (рис. 3) — 120 см × 15 см.

Рис. 3. Шестой блочный ряд жилой башни — 2

С левого края стоит буква, по форме похожая на вопросительный знак. Затем связанное письмо, в котором арабисты также видят неграмотное написание слова «Мухаммед» арабской гра-

фикой. Но мы с этой версией не согласны. Примерно в середине плиты отдельно стоит буква наподобие грузинской «Ш», но не исключено, что эта может быть и буква «М», которая на письме незначительно отличается от «Ш». На правом краю блока был выбит четырехугольник с пятью одинаковыми квадратными ячейками.

В седьмой ряду мы нашли плиту размером 70×10 см, на которой изображения были только на правой стороне. Там было два самостоятельных знака (вероятно буквы), разделенных небольшой черточкой. Примерно в середине блока справа налево сверху вниз была выбита короткая дуга. Блок был отшлифован полностью, на наш взгляд, для нанесения знаков.

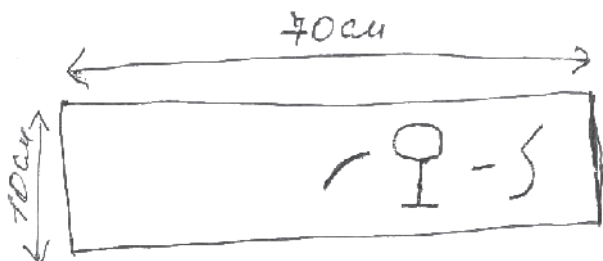

Рис. 4. Седьмой блочный ряд жилой башни — 1

В том же ряду лежал еще один полностью разрисованный петроглифами блок размером 75×15 см. (рис. 5), в левой части которого изображен круг с двумя пересекающимися между собой черточками в виде римской цифры «X». За ним точка и короткая черта под ней, нанесенная слева направо сверху вниз. Затем шло изображение весов: правая чаша, с грузом, была опущена вниз, а левая, с более легким грузом, была поднята вверх. В середине был маленький знак, похожий на волнистую черту, идущий с права налево и сверху вниз.

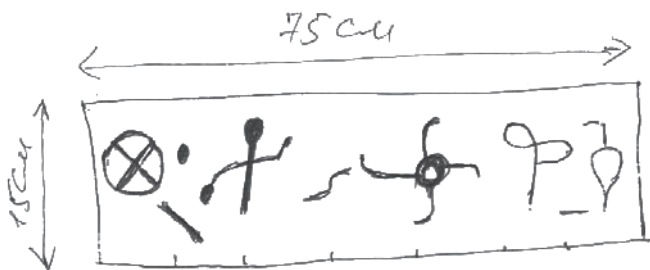

Рис. 5. Седьмой блочный ряд жилой башни — 2

Дальше шло изображение солярного знака, похожего на тот, что стоит на ингушском знамени, но только с четырьмя концами. Центральный круг небольшой, отходящие от него лучи удлиненные и загнуты вправо. За знаком, в правой части камня, нанесены изображения двух букв, между которыми внизу помещена коротенькая черточка. На наш взгляд, изображения данной плиты имеют общий смысл, который еще предстоит разгадать.

В восьмом ряду были два блока. Первый размером 30×20 см (рис. 6). На нем в середине помещено изображение с прямыми, уходящими в разные стороны от центра линиями, одна из которых, идущая в сторону правого верхнего угла, в конце завернута налево и образует прямой угол.

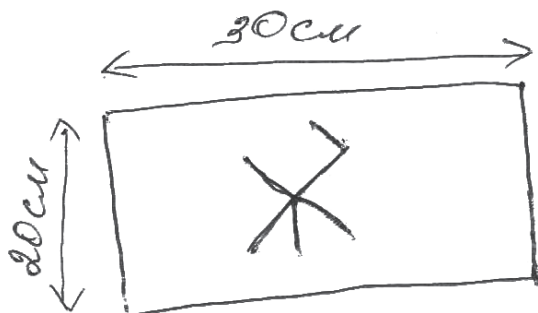

Рис. 6. Восьмой блочный ряд жилой башни — 1

Наибольший интерес вызвала надпись на втором блоке в восьмом ряду (рис. 7). На нем в центре было четко выбито слово «Аллах», под которым была проведена длинная линия.

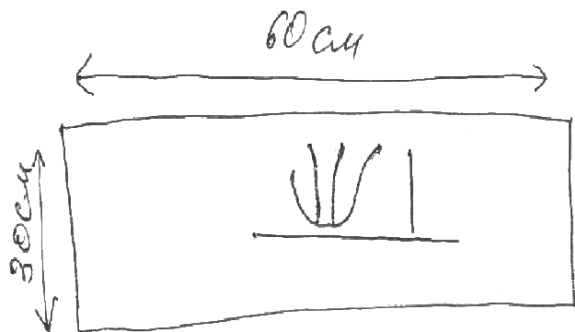

Рис. 7. Восьмой блочный ряд жилой башни — 2

Для анализа сведем все надписи в единый текст, в котором надпись с каждого блока представляла бы отдельную строку (рис. 8).

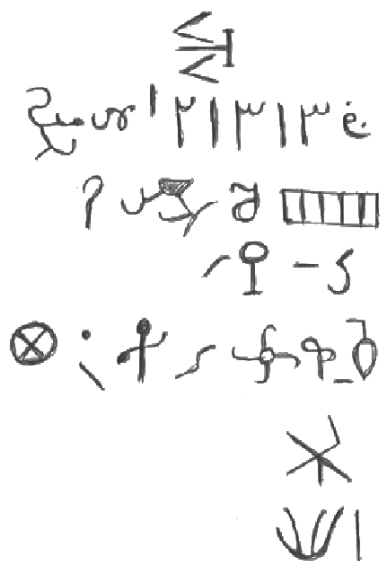

Рис. 8

В итоге наблюдаем применение арабских чисел и изображения некоторых арабских букв. Мы проверили данные знаки с привлечением специалиста, знакомого с грузинским письмом, с разными грузинскими графиками — асомтаврули / мтаврули, нусхури и мхедрули — и подтвердили предположение о присутствии здесь изображений букв из грузинского письма: «Ш» (по другой версии «М»), стоящей на третьей строчке, слева от квадрата, и «Б», стоящей на пятой строчке с правого края. Один петроглиф (четвертая строчка, второй знак) похож на изображение из графики «Магадги», приводимой Ф.И. Горепекиным [Труды Горепекина... 2006: 134].

Приведенные данные подтверждают наше предположение о том, что в Горной Ингушетии была категория людей, владевшая навыками арабского письма (и не только). По нашему мнению, можно утверждать о наличии на рубеже XVI–XVII веков у ингушей зачатков арабографической письменности.

Вопрос происхождения других знаков из замка Мохал требует тщательного анализа. Мы не исключаем возможности связи какой-то части приведенных надписей с собственным письмом ингушей в древности. Не хотелось бы, чтобы нашлись «смелые» исследователи, которые сходу отвергли бы наше осторожное предположение видеть в них отголоски древнего ингушского письма.

Таким образом, вопрос наличия у ингушей в древности собственной письменности остается открытым и требует дополнительных исследований и анализа уже имеющихся на сегодняшний день данных.

Библиография

Албогачиева М.С.-Г. «Печальник ингушского народа» Фома Иванович Горепекин // Этнографическое обозрение. 2004. № 3.

Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994.

Вертепов Г.А. В горах Кавказа // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6.

Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань, 2002.

Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // Ахриев Ч.Э. Избранное. Назрань, 2000.

Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века): Дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1988.

Дахкильгов И.А. Глаз Бога — Ткъа Ёла // Ученые записки. Магас, 2008. Вып. 1.

Куркиев А. Т1охбаь-Ерда. Интерпретация названия храма Тхаба-Ерды // Ахриев Ч.Э. Избранное. Назрань, 2000.

Труды Ф.И. Горепекина. СПб., 2006.

Чажкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Нальчик, 2009. Т.2.

Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2007.

Л.Г. Еганян

РИТУАЛ ОТКРЫВАНИЯ СОСУДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СВАТИЛИЩА МЕЦ СЕПАСАР РАННЕБРОНЗОВОГО ПЕРИОДА)

Святилище, относящееся к бронзовому веку и датированное XXVIII–XXVI веками до н.э., раскопано на северо-западе Республики Армения, на вершине горы Мец Сепасар. В центре памятника, в вулканическом конусе, на спускавшейся по северному склону первой террасе раскопано святилище прямоугольной формы, ориентированное углами на северо-запад — юго-восток (длина 5,5 м, ширина 4,7 м). В западной половине помещения у очага *in situ* были найдены черепа семи волков [Еганян 2012: 272].

Памятник Мец Сепасар дает возможность не только проследить форму и внутреннее убранство святилища, но и восстановить характер проводившихся в нем обрядов. Материалы указывают, что в святилище в определенный сезон года — весной — совершались ритуальные жертвоприношения волков, что символизировало конец Старого года и рождение Нового [Там же: 288].

Найденные в различных частях святилища многочисленные фрагменты керамики показывают, что после завершения обряда сосуды умышленно разбивались. Наряду с указанными фрагментами керамики было найдено шесть целых чаш, стоявших на полу у южной стены и прикрытых большим кувшином (Там же: 272). Многочисленные обломки керамики, рыбы кости, а также укра-